

УДК 82:94
ББК 63.3(2:4)52

Татьяна Федоровна Пирожкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет журналистики, доктор филологических наук, профессор, Россия, Москва, e-mail: idmmspb@yandex.ru

1878 год в жизни И.С. Аксакова

Аннотация. С опорой на архивные источники рассматриваются события одного года из жизни выдающегося журналиста и публициста И.С. Аксакова, 200-летие со дня рождения которого отмечается в 2023 г. Особое внимание уделено событию, состоявшемуся 22 июня 1878 г., – произнесение Аксаковым в московском Славянском обществе, председателем которого он являлся, речи о позорных для России, победившей Турцию в войне 1877–1878 гг., решениях Берлинского конгресса (1 июня – 1 июля 1878 г.). Анализируется исторический контекст решения Австро-Венгрии и Англии, не принимавших участия в войне, но опасавшихся укрепления русского влияния на Балканах, бесцеремонно обогатиться за счет победителя: оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Англией – Кипра; разделение Болгарии, южная часть которой оставалась под властью Турции. Подчеркивается, что Аксаков ясно видел происходящее и не мог молчать как русский, как общественный деятель, вдохновивший на всенародную денежную помощь славянам (через Славянское общество он снабжал дружины Болгарского ополчения и сербскую армию), как наследник славянофилов, всегда сочувствовавших борьбе славян за независимость. Отмечено, что это выступление Аксакова, в котором он смело назвал готовящиеся в Берлине решения «сплошным надругательством над Россией», обвинил Австро-Венгрию и Англию в беззастенчивом распоряжении судьбой освобожденных балканских народов и сурово осудил русских дипломатов в отсутствии национально ориентированной политики, сделало его имя известным всей Европе, но при этом стало причиной его ссылки (до конца 1878 г.) и закрытия Славянского общества. Приводятся ранее не публиковавшиеся фрагменты писем как самого Аксакова, так и его современников, в которых Аксаков предстает как «не случайный человек на дорогах истории».

Ключевые слова: итоги русско-турецкой войны, история дипломатии, Берлинский конгресс, Славянское общество, славянофильская публицистика, биография И. С. Аксакова

Tatyana Fyodorovna Pirozhkova

Lomonosov State University, Faculty of Journalism, Moscow, Doctor of Philology, Professor, Russia, Moscow, e-mail: idmmspb@yandex.ru

The Year 1878 in the Life of Ivan S. Aksakov

Abstract. The article is a study, based on archival sources, of the events of one year in the life of the outstanding journalist Ivan S. Aksakov, whose 200th birth anniversary is celebrated in 2023. The author's attention has been focused on the events which occurred in 1878. A special attention is given to Aksakov's speech delivered on June 22 in Moscow's Slavic Society, the Chairman of which he was, about the solutions of the Berlin Congress (June 1 – July 1, 1878), which turned out to be shameful for Russia that had won victory in the war against Turkey. The historical context of the decision

of Austria-Hungary and England, the countries which did not participate in the war but feared the strengthening of Russia's influence on the Balkans, to impudently enrich themselves at the expense of Russia; an occupation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary and of Cyprus by England; and a partition of Bulgaria, with its southern area remaining under the power of Turkey, are analyzed. It is emphasized that Aksakov had a clear insight into the current events and could not keep silence as a Russian, since the victories in the Balkans and Turkey were gained at the cost of the Russian soldiers' and volunteers' blood; as a public figure who had inspired the mass-scale people's financial aid to the Slavs (through the Slavic Society he supplied the Bulgarian Volunteers' Corps and the Serbian Army); and also as a successor of the Slavophiles, who had always felt sympathy with the Slavs' struggle for independence. It is stated that this Aksakov's speech, in which he boldly called the prepared decision "an utter insult on Russia", accused Austria-Hungary and England of an impudent attitude to the destinies of the liberated Balkan peoples and severely denounced the Russian diplomats for a lack of nationally-oriented policy, made Aksakov's name known all over Europe, but led to his exile (till the end of 1878) and a ban imposed on the Slavic Society. Formerly unpublished excerpts from letters by both Aksakov himself and his contemporaries, in which Aksakov is featured as "not a casual man on the ways of history", are provided.

Key words: Russo-Turkish War, history of diplomacy, the Berlin Congress, the Slavic Society, Slavophile journalism, Ivan Aksakov's biography

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.074-087

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни не легка!

И.С. Аксаков

1878 год – особый в жизни И.С. Аксакова. Разумеется, каждый год в жизни человека неповторим, но бывают периоды некоторой устойчивости, без каких-либо исключительных событий.

Таковыми были у Аксакова годы службы – 1840-е–начало 1850-х гг., когда менялись губернские города – Астрахань, Калуга, Ярославль, однако фон жизни оставался неизменным – среда обитания очень напоминала ту, что воссоздана Н.В. Гоголем в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Недаром в одном из писем родным Аксаков описал постановку «Ревизора» в Рыбинске, когда актеры на сцене давились от смеха, изображая персонажей, сидевших в зрительном зале¹. Жизнь молодого чиновника Аксакова в это время довольно однообразна: он не пьет, не играет в карты, не любит увеселений, но любит трудиться. «...на меня как на рабочую лошадь взваливают работы», – пишет он в письме родным от 19 марта 1851 г. [1, с. 210]. «Какая лошадь везет, ту и погоняют», – сердилась мать.

Относительно стабильными можно назвать и годы издания Аксаковым газеты «День» (пер. пол. 1860-х гг.): он постоянно жил в Москве, со своей семьей, с маменькой и сестрами, они часто меняли квартиры, но оставалось

¹ См.: Письмо от 20 августа 1849 г. // И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 46 [1].

неизменным дело издания газеты, очень одинокое, без помощников, с обычными ночными бдениями за передовыми статьями, с изматывающими борениями против цензурных притеснений.

Но 1878 г. действительно год особый – произошли события, выпадающие из привычной колеи, главное из которых – речь Аксакова 22 июня в Славянском обществе с осуждением решений Берлинского конгресса. После речи слава Аксакова, выдающегося журналиста и публициста XIX века, перешагнула пределы России, его имя стало известно всей Европе, но за европейскую популярность он поплатился ссылкой.

Год начался нелегко: 18 февраля в Сан-Стефано под Константинополем умер славянофил князь Владимир Александрович Черкасский. Умер в очередную годовщину отмены крепостного права в России – князь был одним из главных деятелей крестьянской реформы, работая как эксперт в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу (вместе с другим славянофилом Юрием Федоровичем Самариним). Черкасский умер за несколько часов до подписания Сан-Стефанского мирного договора между воевавшими с апреля 1877 г. Россией и Турцией. Во время войны он возглавлял Российский Красный крест при действующей русской армии на Балканах; он же составил проект внутреннего управления освобожденной русскими войсками Болгарии (так называемая Тырновская конституция).

Никогда прежде Аксаков и Черкасский не были так близки, как в период этой войны: Аксаков организовал сбор средств в пользу восставших против турецкого владычества славян и по роду деятельности оказался тесными узами связанным с Черкасским, который знал его агентов (уполномоченных) на Балканах, знал о складах оружия и обмундирования, передвижениях добровольцев, прибывавших из России. Аксаков и Черкасский постоянно обменивались письмами – и непосредственно, и через жену Черкасского Екатерину Алексеевну.

Тело князя из Турции доставили в Москву и 15 марта отпевали в университетской церкви святой Татианы (покойный являлся выпускником и почетным членом Московского университета) при большом скоплении народа, московского начальства и университетской профессуры. Во главе похоронной процессии шли студенты-славяне с огромным лавровым венком.

В письме А.Д. Блудовой Аксаков признавался в охватившем его чувстве гнетущего одиночества: «Да, нас осталось немного, а в моем мужском кругу друзей и товарищей жизни – никого. <...> Добро б еще исчезали просто друзья, но гаснут умы, светившие и веселившие душу светом, нужные для России. Со смертью Черкасского потухла единственная светящаяся точка в этой седой мгле бездарности, посредственности и пошлости, нависшей над нашею бедною землею!..»².

² См.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. С. 108 [2].

В предыдущем 1877 г. Иван Сергеевич схоронил славянофила Федора Васильевича Чижова; он знал его с 1840-х годов. Чижов сотрудничал в редактируемых Аксаковым газетах «День» и «Москва», помогал ему выйти из затруднительных материальных обстоятельств: при его содействии в 1874 г. Аксаков получил должность председателя в правлении московского Общества взаимного кредита.

Годом ранее, в 1876 г., Аксаков лишился друга с 1861 г. Юрия Федоровича Самарина, с которым состоял в многолетней переписке, взаимном обмене мыслями, печатал его статьи в названных выше газетах. Письмо Ивана Аксакова в Берлин было последним письмом, которое прочел умирающий Самарин (его обнаружили на столике около постели), и вообще последней весточкой из России.

Все друзья нашли приют на кладбище Даниловского монастыря, каждому из них Аксаков посвятил некролог – печальная обязанность оставшегося.

Едва успев похоронить Черкасского, Аксаков снова пребывает в сильном беспокойстве – в марте заболела маменька Ольга Семеновна, жившая с дочерью Софьей около Киево-Печерской лавры (Софья была больна семейным заболеванием – чахоткой, и врачи посоветовали ей сменить московский климат на более теплый).

Иван Сергеевич ездил в Киев дважды: сначала навестить больную, а затем для перевозки умершей в Москву, чтобы похоронить в Симоновом монастыре рядом с мужем, писателем С.Т. Аксаковым. Г.П. Галаган, друг Чижова, и его жена Екатерина Васильевна, находившиеся в Киеве при больной, полагали, что она умрет в их присутствии: священник прочитал уже отходную молитву, но поспав, Ольга Семеновна разговаривала с женой Галагана в полной памяти и «в полном присутствии духа»³.

Сила воли и жизнестойкость этой маленькой женщины совершенно поразительны: она умерла спустя месяц после напутствия священника в мир иной, 9 мая 1878 г. А до этого в 1859 г. она похоронила мужа, в следующем году умер ее сын – первенец Константин, затем четыре дочери (Ольга, Вера, Любовь, Надежда). Дети скончались от чахотки, а мать оказалась крепче своих домочадцев, единственная из многочисленной семьи прожила дольше всех, 85 лет, что по меркам XIX века возраст очень солидный. Иван Сергеевич тщательно вел записи расходов по погребению, угощению священников – по всей вероятности, разделил их с братом Григорием⁴.

Только закончились самые грустные на свете похоронные заботы, как на Аксакова надвинулось новое потрясение, но не бытового, а политического характера. Австро-Венгрия и Англия, недовольные соглашением в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.), решили его пересмотреть и выступили инициаторами со-

³ См.: Письмо Г.П. Галагана Е.А. Свербеевой от 17 апреля 1878 г. (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 627. Л. 8).

⁴ См.: Записи расходов, связанных с погребением, рукою Ив. Серг. Аксакова (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 7).

зыка Берлинского конгресса. Эти события самым непосредственным образом отразятся на жизни Аксакова в 1878 г.

По Сан-Стефанскому договору Сербия и Черногория получали независимость, Босния, Герцоговина и Болгария – автономию. К России отходила южная Бессарабия, Карс, Батум. В русском обществе царил воодушевление. Приятельница Аксакова Е.А. Свербеева 20 февраля 1878 г. писала ему: «Поздравляю Вас, добрый Иван Сергеевич, с радостным известием о мире. Дай Бог нам его прочного и хорошего. Кажется, он заключен на выгодных условиях. – Государь не допустил бы такого мира, который не был бы в честь нашу и не во славу Русской Земли и подвига ее. Слава Богу, что дело святое доведено до конца» [3, с. 72]. В приведенном отрывке из письма Свербеева процитировала слова Александра II из речи 29 октября 1876 г. (еще до начала войны с Турцией) перед московским дворянством – о «твердом намерении» защищать балканских славян, что является «нашим святым призванием».

К сожалению, надежды русской общественности на то, что святое дело будет доведено до конца, не оправдались, и радость по поводу выгодного мира оказалась преждевременной.

Той же осенью 1876 г., когда царь выступил перед москвичами, Аксаков как председатель московского Славянского комитета (через два года переименованного в Славянское общество) начал энергичную помощь славянам, поднявшим восстание против турецких властей: в апреле поднялись болгары, в июне – сербы и черногорцы. От имени Славянского комитета он напечатал (в количестве 60 тысяч экземпляров) воззвание о поддержке западных и южных славян, разосланное по всей стране. Его почин поддержал Святейший Синод – воззвание прочитали в церквях.

Душа у русского человека сострадательная, деньги потекли как река – в Обществе взаимного кредита на Варварке, где Аксаков служил, он устроил сбор средств – один, даже без секретаря. О том, как это происходило, рассказал в своих воспоминаниях князь В.П. Мещерский: «Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувший в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. <...> ... в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязный платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей» [4, с. 299].

На собранные деньги уже с осени 1876 г. Аксаков начал снаряжать Болгарское ополчение⁵, помогать сербам, куда направил 10 тысяч русских добровольцев, также нуждавшихся в оружии, обмундировании, продовольствии. Главнокомандующий сербской армией русский генерал М.Г. Черняев даже отказался от сербского содержания, потому что получил из пожертвований Славянскому комитету, возглавляемому Аксаковым, 1200 дукатов золотом.

⁵ ОР РНБ. Ф. 14. № 447.

Заметим, что Славянский комитет не государственная организация, а общественная, благотворительная, по сути это горстка энтузиастов, объединенных любовью к славянам. В 1876 г. и последующие, годы войны, у Аксакова нет ни журнала, ни газеты, он просто частное лицо, по сути одинокая фигура на горизонте, между тем «двигает сердцами» людей – при полном безразличии русского правительства, которое не поддерживало его деятельность, но и не препятствовало ей.

Возможно, что из-за этого равнодушия в годы войны отсутствовала согласованность между действиями повстанцев и русской воюющей армией, совершавшей чудеса храбрости: в зимних условиях 1877–1878 гг. она перешла Балканы, освободила Болгарию (кровавопролитные бои за Систово, Плевну, Шипку, Шейново), дошла до пригородов Стамбула (бывшего Константинополя), в Закавказье штурмом взяла турецкую крепость Карс.

Есть две воюющие страны – Россия и Турция, ослабевшие в борьбе друг с другом, и есть третья сторона – Европа, сосредоточенно наблюдающая за поединком и не сражающаяся. Особенно напряжены Австро-Венгрия, опасаящаяся расширения и укрепления русского влияния на Балканах, и Англия, стремящаяся контролировать Турцию; обе хотят бесцеремонно обогатиться за счет победителя.

Именно эти страны добьются выгод для себя на Берлинском конгрессе: Австро-Венгрия оккупирует Боснию и Герцоговину, Англия – Кипр и добьется права контролировать реформы в Турции, Болгарию расчленят (южная останется под властью Турции), а Россия за одержанную над противником победу получит юго-западную часть Бессарабии, отошедшую Турции после окончания Крымской войны.

Еще эти решения не были приняты Берлинским конгрессом, но Аксаков ясно видел, что происходит, видел торжество врагов России, ощущал трагизм совершающегося и не мог молчать как русский (поскольку победы в войне были оплачены кровью русских солдат и русских добровольцев), как общественный деятель, вдохновивший на всенародную помощь славянам и чувствовавший историческую ответственность перед ними, и как наследник славянофилов, хранитель преданий, в которых сочувствие борьбе славян за независимость занимало не последнее место.

Была и еще одна, как нам кажется, личная причина – Аксаков был уязвлен неблагодарностью, пренебрежением правительственных властей к тому, чем он занимался в течение последних лет, т. е. с осени 1876 г.

Когда-то, на заре его служебной деятельности, сенатор князь Н.П. Гагарин, восхищенный тем, как выполнял поручения молодой чиновник-правовед, процитировал строки из трагедии «Сид» Пьера Корнеля, с точки зрения князя могущие быть примененными к юному Аксакову:

... aux âmes bien nées
La valeur n'attend pas le nombre des années⁶.

⁶ «...но если сердце смело, Оно не станет ждать, чтоб время подоспело» (пер. М. Лозинского). См.: Письмо от 7 апреля 1844 г. // И.С. Аксаков. Письма к родным, 1844–1849 / изд. подгот.

Ивану Аксакову в июне 1878 г. почти 55 лет, но он сохранил в себе молодой задор и смелость. Он чувствовал, что должен выступить, и он выступил – 22 июня в Славянском обществе с речью, в которой прямо и честно высказал собственное мнение: назвал готовящиеся в Берлине решения «сплошным надругательством над Россией», обвинил Австро-Венгрию и Англию в закулисном беззастенчивом распоряжении судьбой освобожденных русским оружием балканских народов, сурово осудил русских дипломатов в отсутствии национально ориентированной политики, в пренебрежении интересами собственной, победившей Турцию страны: они, по мнению Аксакова, демонстрировали «грандиозность раболепства», отсутствие «всякого исторического сознания и всякого национального чувства», зависимость от «чужого европейского голоса». Одним словом, конгресс – «открытый заговор против русского народа. Заговор с участием самих представителей России»⁷.

Представительство России на Берлинском конгрессе возглавлял князь А.М. Горчаков, с 1856 г. министр иностранных дел. У него – как министра – было два негласных помощника: Н.П. Игнатъев, посол в Турции (1864–1878 гг.) и П.А. Шувалов, посол в Англии (1874–1879 гг.), отношения между которыми не сложились. За Шуваловым прочно закрепилось прозвище «жандарм», «посол-жандарм»⁸, в 1856–1874 гг. он был управляющим III отделением и шефом жандармов, а ранее – петербургским обер-полицеймейстером. Шувалов готовился в 1878 г. покинуть Англию и занять место Горчакова [там же], который находился в преклонном возрасте (80 лет) и давал основания для насмешливых отзывов: военный министр Д.А. Милютин отмечал, что его умственные способности «в полном упадке»⁹. Шувалов, не отличавшийся деликатностью, относился к Горчакову пренебрежительно, рассказывал о нем анекдоты.

Вероятно, интеллектуальную активность Александр II не считал обязательной для министров, потому что сохранил status quo: Горчаков остался на своем посту (только новый император Александр III в 1882 г. отправил его в отставку), а Шувалов осенью 1878 г. вновь отправился на службу в Англию.

После Сан-Стефанского договора Шувалов улаживал возникшую напряженность между Россией и Англией и достиг дипломатических договоренностей с англичанами – в Петербург он привез соглашение от 18 мая относительно вопросов, которые будут обсуждаться на Берлинском конгрессе. Ознако-

Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский; ред. изд-ва О.К. Логинова; худож. Б.И. Астафьев. М.: Наука, 1988. С. 62 [5].

⁷ См.: Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: ООО Изд-во Росток, 2015. С. 377–381 [6].

⁸ См.: Письмо В.И. Ламанского И.С. Аксакову от 8 июля 1878 г // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 224.

⁹ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. М: Типография библиотеки им. Ленина, 1950. С. 80 [7].

мившись с соглашением, Игнатъев понял, что ему тут «делать нечего»¹⁰, и, воспользовавшись своим нездоровьем (лихорадка), уехал в имение в Киевской губернии.

Как посол в Стамбул, он один мог занимать на конгрессе решительную позицию ввиду успехов русского оружия. Кроме того, он находился в постоянном контакте со славянскими деятелями – Ф. Ригером, Ф. Палацким и др., был известен защитой прав болгарского населения. Кроме того, Игнатъев являлся уполномоченным на Парижской конференции 1856 г., которой закончилась Крымская война. Но на политическом совещании у императора еще в начале мая министры именно его кандидатуру исключили из числа представителей России на Берлинском конгрессе.

Достигнув соглашения с Шуваловым, англичане заключили 25 мая (6 июня) англо-австрийское соглашение. Теперь ничто не мешало этим объединившимся силам приступить к дележу территорий на Берлинском конгрессе (1 июня – 1 июля 1878 г.). Тем более что у Горчакова не наблюдалось в отстаивании русских интересов никакой твердости, какую можно было ожидать от представителя победившего государства, он даже манкировал своими обязанностями, появлялся не на всех заседаниях; что же касается «посла-жандарма», то он не обладал необходимой дипломатической выучкой и гибкостью.

Известно, что император выразил недовольство сделанными нашими дипломатами на конгрессе уступками, находился после конгресса в дурном расположении духа, но ведь дипломатическая политика направлялась им самим; по словам военного министра, уступки «разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными»¹¹. И Горчаков выполнил указание Александра II насчет возвращения отторгнутой части Бессарабии (дело чести для императора, ибо отторжение случилось в его царствование). Об освобождении русскими Балкан на конгрессе даже не вспоминали, хотя сам царь ездил на Балканы, в Систово (один из первых освобожденных городов Болгарии), где посетил госпиталь, общался с русскими ранеными.

«Московские ведомости» регулярно печатали отчеты своих корреспондентов, работавших в Берлине, в которых они сообщали, что западный мир не уважает побед России, а русская дипломатия даже не способна сохранить «лицо» на конгрессе: «русская дипломатия в Берлине построила золотой мост другим державам» (прежде всего Австрии и Англии); «Россию не благодарят даже ради приличия»¹². Обыкновенно говорят – «горе побежденным», но в Берлине было наоборот – «горе победителю».

В условиях всеобщего неодобрения русским обществом несостоятельной внешней политики России (и одновременно всеобщего молчания) Аксаков по-

¹⁰ См.: Письмо Н.Б. Трубецкой И.С. Аксакову от 5 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 216.

¹¹ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 78

¹² Московские ведомости. 1878. 4 июля. № 169; 1878. 9 июля. № 174. С. 3, 1 [8].

ступил согласно велениям собственной совести, был уверен, если бы маменька Ольга Семеновна дожила до конца июня, она приветствовала бы его шаг: «Что бы сказала теперь маменька! Трудно даже и вообразить, до какой бы меры дошло ее негодование! Она была бы довольна речью»¹³.

Иван Сергеевич думал, что если бы его голос не был одиноким, а был бы поддержан двумястами–тремястами протестующими голосами по стране, то ситуация изменилась бы и правительство к ним прислушалось.

К сожалению, и при наличии содействия результат не изменился бы – ситуация, в которой находилась в то время Россия, была очень нелегкой: за один год из-за военных расходов казна опустела, вести дальше военные действия было не на что, и именно Австро-Венгрия и Англия угрожали России в случае ее неуступчивости войной. Угроза войны, исходившая от этих стран, являлась нешуточной: Россия готовилась к борьбе и вооружалась. Московская жительница Н.Б. Трубецкая сообщала Аксакову, что, направляясь в Киев, она видела по всей дороге двигавшиеся к австрийской границе орудия и войска¹⁴. О подготовке к войне писал Ивану Сергеевичу и В.И. Ламанский, активный деятель петербургского Славянского общества, – он располагал точными сведениями, идущими из Главного штаба армии¹⁵. Наконец, у военного министра Д.А. Милютин в дневнике от 22 июля 1878 г. есть запись об указаниях расформировать некоторые части войск, находившиеся в боевой готовности на случай разрыва с Англией и Австрией¹⁶.

О том, что на войну нет денег, было хорошо известно царю и его министрам, особенно министрам финансов и военному. Вот почему Д.А. Оболенский, друг Аксакова со времен учения в Училище правоведения, в 1878 г. товарищ министра государственных имуществ, заметил в своих «Записках»¹⁷, что «раздражение против Аксакова в высших административных сферах не имеет предела». Военный министр Д.А. Милютин в дневнике очень недобрительно отзывался об Аксакове, который «верховодит в Москве», «мешает делу» (интересно было бы узнать – какому?), является «запевалой враждебного отношения к правительству», не знает «практической действительности»¹⁸.

Но правительство, состоявшее из людей, обязанных по долгу службы знать «практическую действительность» и трезво оценивать ее, между тем в 1877 г. страну, еще не оправившуюся от поражения в Крымской войне, ввергло в новую. В России тогда не окончились внутренние преобразования: только

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 56. Л. 2.

¹⁴ См.: Письмо от 5 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 216.

¹⁵ См.: Письмо от 30 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 225.

¹⁶ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 82.

¹⁷ См.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 443–444 [9].

¹⁸ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 82.

несколько лет тому назад губернские комитеты отрегулировали отношения между помещиками и освобожденными от крепостной зависимости крестьянами, эти последние терпели ущерб от выкупных платежей, в 1870-е годы в некоторых губерниях России случились неурожай и голод.

И храбрые освободители болгар ясно видели, что те даже под турецким игом жили несравненно зажиточнее, чем крестьяне на их родине. Командование, состоявшее из «практических» (или непрактических?) деятелей, двигало русскую армию к Стамбулу, угрожая ему, хотя ни взять, ни тем более удержать город находящимися в наличии силами Россия не могла. На продолжение войны денег нет. Замена одного министра финансов другим (М.Х. Рейтерна С.А. Грейгом), произведенная императором в том же 1878 г., исправить положение не могла. Рассказывали, что Грейг принимал портфель министра и пустую казну «со слезами на глазах, умоленный и упрошенный»¹⁹, но пополнить финансы не смог, и через два года его уволили с этого поста.

Князь Д.А. Оболенский, близко знавший окружение царя, его министров, с 1872 г. член Государственного совета, летом 1878 г. в своих «Записках» дал замечательную по глубине, очень точную характеристику того, что произошло в 1877–1878 гг.: «...война начинается и ведется без определенной мысли и для целей отвлеченных, к которым со стороны правительства нет ни малейшего сочувствия, ... идут защищать народность, которую презирают, охранять веру, к которой более чем равнодушны, племя, к которому стыдятся принадлежать» [9, с. 443–444]. Императору «инстинктивно противны все национальные начала»; «подняв знамя славянства, передать охрану его людям, прямо враждебным...» (то есть министрам, подобным Горчакову, А.Е. Тимашеву, министру внутренних дел, и др. – *Т.П.*), и на Аксакове «вымещается вся злоба, накопившаяся в наших правителях на славянский вопрос» [9, с. 444–445].

Аксакова беспокоило, что его речь, произнесенная в немногочисленном собрании членов Славянского общества (не более пятидесяти человек по случаю летнего времени), не дойдет до адресатов, он не хотел упустить возможность увидеть речь опубликованной, для чего и передал ее редактору петербургского еженедельника «Гражданин» В.Ф. Пуцыковичу (и тому удалось переслать 400 экземпляров подписчикам, после чего издание было приостановлено), послал экземпляр К.П. Победоносцеву для вручения его наследнику великому князю Александру Александровичу, отправил речь в Прагу, находившегося в Берлине славянофила А.И. Кошелева просил напечатать свое выступление в Берлине, что тот и исполнил. Так Европа узнала мнение русского публициста о происходящих исторических событиях.

Аксаков не был наивным человеком, чтобы не понимать, что если он замахнулся в речи на правительственную политику, то надо ждать наказания, административных мер, даже, надо думать, «просчитал» возможность высылки из

¹⁹ См.: Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 224.

Москвы, в результате чего семья могла лишиться материального обеспечения, которое давала его служба в Обществе взаимного кредита. Поэтому заранее заручился согласием жены Анны Федоровны (дочери Ф.И. Тютчева) – она, как и муж, была готова на лишения.

Аксакова в Петербурге услышали, и власть не замедлила с наказанием. 8 июля он, вызванный к московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову, узнал о «высочайшем выговоре» за свое выступление, 11 июля – об отстранении от должности председателя Славянского общества, а 23 июля – о высылке в имение. В имение несуществующее! – доставшееся от родителя имение Вишенки в Самарской губернии в 1874 г. Аксаков продал, как и приобретенное в 1871 г. на деньги жены Турово в Московской губернии. Сестра жены Екатерина Федоровна Тютчева предложила ссыльному свое поместье Варварино в Юрьевском уезде Владимирской губернии, куда 26 июля Аксаков и выехал. На вокзале Ярославской железной дороги в этот день дежурило множество полицейских – в форме и переодетых, как если бы отъезжал важный государственный преступник (вероятно, опасались демонстраций сочувствующих, но их не было, да и о ссылке Аксакова в Москве знали единицы).

Еще до отправления в ссылку Аксакову объявили о закрытии московского Славянского общества, что «с величайшим усердием» осуществил товарищ председателя Н.А. Попов, в то время профессор и декан историко-филологического факультета Московского университета. Он «рубил сплеча», по словам секретаря общества Н.Н. Анке²⁰: в считанные дни была распродана мебель, документы отправлены в Министерство иностранных дел, книги – в библиотеку Московского университета, вещи для славян, собранные населением, – в Сербское подворье на Солянке, народные деньги, пожертвованные на нужды балканских славян, велено было направить – неслыханное дело! – в различные учебные заведения страны, остаток в 25 тысяч – в казну московского генерал-губернатора. Встретив после этой операции Попова на одном из приемов, Кошелев не мог не выразить ему своего возмущения – не пожелал с ним разговаривать: «...всегда я его считал и дураком и дрянью»²¹.

Ни о судьбе Аксакова, ни о закрытии Славянского общества сообщений в печати не появилось – власти не имели намерения отчитываться перед обществом. Студенты-славяне (их было в Москве более 120 человек, Славянское общество следило за их учебными занятиями, заботилось о быте), застав разгром в помещении, ничего не могли понять.

В Петербурге ходили слухи о том, что наказания Аксакову требовала Австрия. Возможно. Если русская дипломатия в Берлине пошла на огромные уступки Австрии в международном плане, то ничего не стоило русскому пра-

²⁰ См.: Письмо И.С. Аксакову от 1 сентября 1878 г. (ОР РНБ. Ф. 14. № 51. Листы не нумерованы).

²¹ См.: Письмо И.С. Аксакову от 15/27 августа 1878 г. // Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879. С. 154.

вительству доставить ей небольшую радость, отправив критика в ссылку. Приятельница Аксакова писательница А.Н. Бахметева сообщила ему в Варварино: «Узнав о закрытии Славян<ского> общества, я тотчас же подумала о великом удовольствии, тем доставленном Австрии». Она же несколькими днями ранее писала: «Неужели не будет напечатано в газетах о закрытии Славянского комитета; и тогда как это будет мотивировано? Любопытно. – И тяжело, и грустно, и стыдно за Россию» [3, с. 219]²².

Ни о причинах ссылки, ни о сроках ее Аксакову даже не сообщили. В России узнали о закрытии Славянского общества из иностранных газет, в первую очередь австрийских.

Все друзья и знакомые, писавшие Аксакову в ссылку и получавшие ответные письма, удивлялись тому, что у него не произошло никакого нервного срыва, он не ожесточился, был спокоен и даже – после двадцатилетнего перерыва – вернулся к писанию стихов. Близость к природе, владимирские просторы, необыкновенно теплая осень, когда вторично расцвели цветы, – всё это настраивало его на поэтический лад, наполняло душу очарованием: там появились такие стихи, как «Анне (Еще морозом не побиты...)\», «Ночь (Спустилась ночь в убранстве звездном...)\» и др.

Вот и Игнатъев, отстраненный от дел, тоже был спокоен, далек от болезненной раздражительности. Когда приехавшая к нему в гости Н.Б. Трубецкая, удивленная его настроением, прямо спросила о причинах спокойствия, он прямо ответил: «...я так убежден, что я всё сделал, что мог и что был должен для своего Государя и отечества, что я ни в чем упрекать себя не могу. Я должен преклониться перед волею, которая сильнее моей, против которой я ничего не могу. Я, разумеется, скорблю об отечестве, но благодарю Бога, что я избавлен от всякого участия в теперяшних делах» (то есть в делах Берлинского конгресса, разговор происходил в июне 1878 г.) [3, с. 216]²³. Аксаков, напротив, не устранился от происходившего на Берлинском конгрессе, он вступил в схватку с несправедливостью, высказал резкое несогласие с тем, чему был свидетелем, выполнил долг чести.

Он действовал в одиночку, что невероятно трудно, что потребовало от него непомерных сил и мужества: ведь он противостоял не только политике европейских держав, но и политике собственной страны. Но Аксаков был человеком внутренне очень стойким, закаленным в журнальных битвах предшествующих лет.

В одном из своих юношеских стихотворений поэт написал:

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни не легка!

²² Письма от 28 июля и от 10 августа 1878 г.

²³ Письмо Н. Б. Трубецкой И. С. Аксакову от 5 июля 1878 г.

Так было не только в молодости, а на протяжении всех прожитых им лет. Разумеется, даже сильный человек от непрерывного напряжения может устать. Разумеется, бурный 1878 год стоил Аксакову многих лет. Неудивительно, что он умер на 63-м году жизни от разрыва сердца...

Но настроение Аксакова в 1878 г. упало до безнадежности, тоски, он был спокоен, как Игнатьев, не рассматривал ссылку как жизненное крушение.

Как нам представляется, это жизненный подвиг – сделать то, что должно сделать, то, что ждало от него русское общество, и сделать так, как хотел. Нельзя бесконечно притворяться, будто ничего не случилось, нет, случилось – русские люди находились в подавленном состоянии. Так, Бахметевы, например, не пожелали летом 1878 г. ехать за границу, чтобы не видеть недоброжелательные и торжествующие взгляды европейцев. Кто-то должен был произнести слово осуждения. «Разумеется, я с сердечным участием прочла Вашу речь, – писала Аксакову Н.Б. Трубецкая, – и вполне согласна с Вашими чувствами; но Вы упрекаете общество, что оно молчит. Но ведь оно не молчит; общее негодование повсеместно. Вы говорите: нужны адреса, но разве Вы сами не знаете, что адреса можно только тогда подавать, когда они угодны; ведь Вашу речь не смогли напечатать, адреса еще меньше можно подавать, первый получит нахлобучку, и запретят и думать подавать другие; тем и кончится, и ничего не поделаешь; так точно, как и Игнатьев молчит, потому что другого ничего сделать невозможно. Но ведь понять невозможно ничего, что делается» [3, с. 216].

Вот потому, что «понять невозможно ничего, что делается», Аксаков и выступил. И он не случайный человек на дороге истории – к его слову прислушивались.

Еще в 1851 г. Иван Сергеевич писал: «...я с каждым годом становлюсь честнее, т. е., по крайней мере, хочу, чтоб внешние поступки мои были честны, и никакие препятствия для меня не существуют...» [1, с. 206]²⁴. Человек чести, человек большого мужества, он выполнил долг. Но дальше идти было некуда. Дальше была стена. Зная пылкость своего сына, С.Т. Аксаков всю жизнь внушал ему: «Противу рожна прати нельзя»...

Власти хотели наказать Аксакова, но неожиданно сделали ему подарок: он отдохнул от многолетних трудов, несколько месяцев ссылки пожил жизнью сердца и души. Работая почти круглосуточно, он никогда не позволял себе поспать днем. В Варварине на лоне природы он успокоился, восстановил силы.

В середине декабря Аксаковы вернулись в Москву (Аксакова тихо отправили в ссылку и так же тихо вернули).

И Иван Сергеевич, набравшись сил, стал готовиться к новым боям – теперь журнальным. Без журнальной лямки он, по собственному выражению, чувствовал себя «стертым пятиалтынником». Начав хлопоты об издании очередной газеты, он в 1880 г. добился разрешения на выпуск «Руси». Впереди у него оставалось только пять лет жизни...

²⁴ Письмо от 1 марта 1851 г.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский. М.: Наука, 1994. 653 с.
2. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с.
3. Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 464 с.
4. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 1: 1870–1876 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с.
5. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский. М.: Наука, 1988. 704 с.
6. Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: ООО Изд-во Росток, 2015. 639 с.
7. Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880 / ред. и примеч. П.А. Зайончковского; подгот. к печати Н.К. Швабе; указ. имен К.А. Майковой. М.: Библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. 324 с.
8. [Корреспонденции из Берлина] // Московские ведомости. 1878. 4 июля. № 169; 9 июля. № 174.
9. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 504 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to his relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka, 1988. 704 p.
2. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to his relatives. 1849–1856]. Moscow: Nauka, 1994. 653 p.
3. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy. T. 1: Slavyanskiy vopros. Kn. 1.* [Collected Works. Vol. 1: The Slavic Question. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Rostok, 2015. 639 p.
4. Miliutin, D.A. *Dnevnik. T. 3. 1878–1880* [Diary. Vol. 3. 1878–1880]. Moscow: Tipografiya biblioteki im. Lenina, 1950. 324 p.
5. Motin S.V. (ed.) *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5: v 2 ch. 1870–1879: Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost'. Ch. 1: 1870–1876* [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of the life and work. Issue 5, in 2 parts. 1870–1879: Public and political activities. Part 1: 1870–1876]. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 p.
6. Motin S.V. (ed.) *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5: v 2 ch. 1870–1879: Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost'. Ch. 2: 1876–1879* [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of the life and work. Issue 5, in 2 parts. 1870–1879: Public and political activities. Part 2: 1876–1879]. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 p.
7. *Peterpiska I.S. Aksakova i E.A. Sverbeevoy (1861–1865)* [Correspondence of I.S. Aksakov and E.A. Sverbeyeva (1861–1865)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2022. 464 p.
8. *Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. 1855–1879* [Memoirs of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky. 1855–1879]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2005. 504 p.

(Articles from Scientific Journals)

9. [Correspondence from Berlin], in *Moskovskie vedomosti*, 1878, July 4, no. 169; July 9, no. 174.